

Гидронимы в калмыцких топонимических преданиях: тематика сюжетов и образы

Баир Макаровна Коваева

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова,
Элиста, Российская Федерация
E-mail: bkovalova@mail.ru

Наталья Алексеевна Бадмаева

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова,
Элиста, Российская Федерация
E-mail: badmaeva.nata02@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена описанию и характеристике гидронимов в топонимических преданиях калмыков, рассмотрены различные варианты сюжетов, мотивы и образы, связанные с водоемами (водными объектами), в которых отражены религиозно-мифологические представления и устойчивые черты мировосприятия пространства. Топонимические предания объясняют происхождение различных природно-географических объектов и населенных пунктов, являются ценным источником для изучения исторического прошлого, миграционных путей и освоения этнических территорий. Научная новизна данного исследования заключается в комплексном анализе гидронимов в топонимических нарративах, что позволяет расширить существующие знания о характеристиках географической системы Республики Калмыкия. Анализ топонимических преданий представляет собой важную и недостаточно исследованную область в калмыцкой фольклористике, что подчеркивает значимость данной статьи. Актуальность исследования обусловлена существующими пробелами в комплексном теоретическом и практическом изучении несказочной прозы калмыков. Важно отметить, что многие калмыцкие гидрографические наименования, в частности микрогидронимы (такие как названия родников, колодцев), до сих пор не были предметом научного исследования в калмыцкой фольклористике. В исследуемых текстах представлены уникальные сведения о природе и культуре калмыцкого народа, а также о событиях, которые сыграли весомую роль в его истории. С давних времен калмыки с большим уважением относились к воде, она имеет важное значение в жизни людей, являясь основой существования, источником пищи и объектом поклонения. Цель работы – рассмотреть гидронимы в контексте топонимических преданий калмыков, выявив роль устной традиции в осмыслении и сохранении названий водных объектов. Материалом для исследования послужили тексты по устному творчеству калмыков, опубликованные в современных фольклорных изданиях. Методологической основой исследования являются фундаментальные труды отечественных ученых-фольклористов. В данной статье для изучения гидронимов в калмыцких топонимических преданиях использован системный подход, который включает культурно-исторический, структурно-функциональный и сравнительно-типологический методы. Также применены методы анализа научной литературы, конкретно-исторического рассуждения и текстуального анализа источников, что позволяет выявить сюжетно-тематические особенности топонимических преданий. Исследование вносит определенный вклад в изучение несказочной прозы калмыков, способствует сохранению культурных традиций региона.

Ключевые слова: фольклор, несказочная проза, топонимические предания, гидронимы, сюжет, образ, река, вода, колодец

Для цитирования: Коваева, Б.М., Бадмаева, Н.А., 2026. Гидронимы в калмыцких топонимических преданиях: тематика сюжетов и образы, *Уфимский гуманитарный журнал*, т. 3, № 1, с. 24–31. <https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.1.3>

Hydronyms in Kalmyk topographical traditions: plot themes and images

Bair M. Kovaeva

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation
E-mail: bkovaeva@mail.ru

Natalia A. Badmaeva

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation
E-mail: badmaeva.nata02@gmail.com

Abstract. The article explores the toponymic traditions of the Kalmyks, focusing on the description and analysis of hydronyms. It examines various plots, motifs, and images associated with water bodies, which reflect religious and mythological beliefs and the stable features of the worldview. Toponymic traditions provide insights into the origins of natural and geographical features, settlements, and serve as a valuable source for understanding the historical past, migration routes, and the development of ethnic territories. The scientific novelty of this study lies in its comprehensive analysis of hydronyms in toponymic narratives, which contributes to the expansion of knowledge about the geographical system of the Republic of Kalmykia. The analysis of toponymic traditions is an important and underexplored area in Kalmyk folklore studies, emphasizing the significance of this article. The significance of this research is in a lack of comprehensive theoretical and practical exploration of the non-narrative prose of the Kalmyks. It is crucial to highlight that many Kalmyk hydronyms, particularly microhydronyms such as names of springs and wells, have not yet been subject to scientific investigation in Kalmyk folklore. The texts under analysis offer invaluable insights into the natural environment and cultural practices of the Kalmyk people, as well as the events that have shaped their history. Since ancient times, the Kalmyks have held water in high regard, considering it essential for life, serving as a source of sustenance and a subject of veneration. The aim of this work is to examine hydronyms within the framework of Kalmyk toponymic traditions, shedding light on the role of oral tradition in understanding and preserving the names of water bodies. The research was conducted on the basis of texts on the oral art of the Kalmyks, which were published in contemporary folklore publications. The research was grounded in the fundamental works of Russian folklore scholars. In this article, we employ a systematic approach to examine hydronyms in Kalmyk toponymic traditions. This approach includes cultural-historical, structural-functional, and comparative-typological methods. Additionally, we use such methods as scientific literature analysis, historical analysis, and textual analysis of sources. These methods allow us to recognize plot-thematic features of toponymic traditions. The research contributes to the study of the non-fictional prose of the Kalmyks and aids in preserving the cultural traditions of the region.

Keywords: folklore, non-folkloric prose, toponymic legends, hydronyms, plot, image, river, water, well

For citation: Kovaeva, B.M., Badmaeva, N.A., 2026, Hydronyms in Kalmyk topographical traditions: plot themes and images, *Ufa Humanitarian Journal*, vol. 3, no. 1, pp. 24–31. (In Russ.) <https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.1.3>

Введение

Топонимические предания широко распространены в калмыцком фольклоре. В данных повествованиях отражены архаические мотивы, раскрывающие самобытные черты духовного уклада и материальной культуры этноса. Изучаемые нарративы обладают несомненной художественной и историко-этнографической ценностью.

Отличительной чертой калмыцких топонимических преданий является точная локализация мест. Они повествуют о различных фактах и объясняют причины возникновения тех или иных географических объектов, что особенно заметно в гидронимах. В рассматриваемых нарративах наибольший интерес представляют устнопоэтические повествования, связанные с историей возникновения различных водоемов (водных объектов).

Цель работы – рассмотреть гидронимы в контексте топонимических преданий калмыков, выявив роль устной традиции в осмыслении и сохранении названий водных объектов.

Источниковой базой исследования послужили тексты по устному творчеству калмыков, опубликованные в современных фольклорных изданиях.

Методологической основой исследования послужили фундаментальные труды известных отечественных ученых, таких как В.П. Аникин, Н.А. Криничная, Э.В. Померанцева [Померанцева, 1975], В.Я. Пропп, Б.Н. Путилов и др.

Актуальность данного исследования связана с пробелами в комплексном теоретическом и практическом изучении сказочной прозы калмыков. Она также заключается в том, что многие калмыцкие гидрографические наименования, особенно микрогидронимы (названия ручьев, колодцев и т. п.) до сих пор не стали темой научного изучения в калмыцкой фольклористике.

В отечественной науке изучение топонимических преданий проводилось в разных направлениях. Так, Н.А. Криничная считает, что понятия «исторический» и «топонимический» применительно к данным жанрам соотносятся друг с другом как общее и частное. «Топонимическое предание, – отмечает Н.А. Криничная, – в такой же степени исторично, как и всякое другое предание. С другой стороны, многие «исторические» предания заключают в себе тот или иной топонимический мотив, что не наносит ущерба их историчности. Топонимическим может быть названо не столько само произведение, сколько содержащийся в нем мотив» [Криничная, 1987: 70].

В.К. Соколова под преданием понимает «передаваемую из поколения в поколение устную народную летопись; основное назначение их – сохранить память о важных событиях и деятелях истории, дать им оценку. Доминирующей функцией преданий признается познавательная, эстетическая функция имела подчиненное значение. Важно было, что передать, а не как рассказать, до слушателей надо было, прежде всего, донести самый факт и его смысл» [Соколова, 1975: 227].

С.А. Каскабасов считает условным деление предания на исторические и топонимические. По мнению ученого: «По существу и топонимическое предание имеет реальную основу, а в историческом предании нередко присутствует также топонимический мотив. Зачастую в таких случаях не содержание предания, а тема или мотив носит топонимический характер, поэтому очень нелегко различать эти два типа жанра» [Каскабасов, 1990: 156].

В работе В.П. Кругляшовой представлена классификация жанров сказочной прозы, а также исследуются сюжеты, персонажи и функции преданий уральского горнозаводского фольклора [Кругляшова, 1974].

В калмыцкой фольклористике к проблеме изучения и классификации жанров устной сказочной прозы обращались Д.Э. Басаев [Басаев, 1999; 2007], Т.Г. Басангова, В.Т. Сарангов [Сарангов, 2012] и др.

В последние годы наблюдается заметный рост интереса лингвистов к изучению региональных топонимических систем. Необходимо отметить два фундаментальных топонимических словаря, в которых систематизированы географические названия Республики Калмыкия, а также предложена их этимологическая интерпретация [Кичикова и др., 2017; Гедеева и др., 2019].

Основная часть

Гидроним (от греческого *hydor* – «вода» и *онута* – «имя») является важной частью топонимики, исследование которой имеет значительное научное и практическое значение. Гидронимы не только обозначают водоемы, но и часто отражают национальные особенности, обычаи и традиции, так как они тесно связаны с жизнью людей. Изучение гидронимов в конкретном регионе помогает выявить новые аспекты, касающиеся истории, географии и этнографии данного народа.

Калмыки с древних времен с большим уважением относились к воде. Она играет важную роль в жизни человека, являясь основой существования, источником пищи и объектом поклонения. Издавна люди заботились о том, чтобы вода была пригодной не только для них, но и для четырех видов скота, поэтому вода является жизненно необходимым ресурсом. В прошлом калмыки вели кочевой образ жизни, и он «требовал не только детализированного обозначения основных гидрографических элементов, но и дифференцированной номенклатуры по формам, размерам, местоположению, кормовым достоинствам и прочим признакам» [Манджиева, Кичикова, 2017: 86].

Вода и водные объекты в калмыцкой лексике представлены следующими наименованиями: усн – вода, теңгс – море, хол – река, нур – озеро, булг – родник, худг – колодец.

Н.А. Кичикова отмечает: «Значительная часть гидронимов Калмыкии обусловлена особенностями и материальной и духовной культуры населения, содержит информацию о быте, хозяйстве, общественной жизни народа на разных этапах истории. Все, что имело какое-либо значение в жизни и деятельности человека в определенное время, могло отразиться в гидронимии» [Кичикова, 2011: 11].

Предки калмыков, ойраты, прибыли в степи Северного Прикаспия в XVII в. К середине XVII в. ойраты «заняли не только Приволжские степи, но и оба берега Дона. Их пастбища простирались от Урала и до северной части Ставропольского плато, от р. Кумы и северо-западного побережья Каспийского моря до нижнего течения рек Хопер и Медведицы и верховья р. Самарки» [Эрдниев, 1970: 24].

Территория современной Калмыкии находится на Прикаспийской низменности, представляющей собой равнину, изрезанную балками и оврагами. Западная часть этой низменности заканчивается Ергенинской возвышенностью. С севера на восток территорию республики пересекает Кума-Манычская впадина, а на северо-западе расположена Сальско-Манычская гряда. На юге можно увидеть Бэровские бугры.

Географические особенности Калмыкии нашли свое отражение в топонимической системе республики [Словарь топонимов..., 2019: 3].

На этой новой территории гора Богдо стала для калмыков сакральным локусом. Она расположена на южном берегу соленого озера Баскунчак, находится в Богдинско-Баскунчакском заповеднике Ахтубинского района Астраханской области. В Прикаспийской низменности это единственная гора, которая возвышается на 150 метров над уровнем моря, в то время как ее подножие располагается значительно ниже уровня моря.

Б.М. Коваева отмечает: «Возможно, топоним Богдо был унаследован у предков, помнящих свою историческую родину и сакральные для всех монголоязычных народов места, включая священную гору Богдо уул» [Коваева, 2013: 154–155].

В несказочной прозе калмыков представлены различные версии сюжета о появлении горы Богдо и озера Баскунчак, расположенного у ее подножья. По одной из этих версий, *«гора Богдо прежде стояла на реке Яик (Урал), однако двое калмыцких священников задумали перенести ее на Волгу. После продолжительного поста и молитвы они подняли гору на свои плечи и понесли. Когда святые были уже близ Волги, случилось несчастье: один из них поддался влиянию злого духа и осквернил себя дурным помыслом. Грешник тотчас лишился сил и тяжестью горы был вдавлен в землю, которую оросил своей кровью, отчего одна сторона горы сделалась красной. Второй никак не мог в одиночку сдвинуть гору с места, и она осталась там, где и стоит поныне. В одну из своих поездок на этом месте как-то остановился Далай-лама. Устроив здесь привал, он пообедал и остатки соленой похлебки вылил на землю. Из этой-то соли образовалось постепенно озеро Баскунчак. А гора Богдо стала велика от того, что Далай-лама на ней ночевал»* [Семь звезд..., 2007: 205].

По мнению Т.Г. Басанговой, для вариантов предания о горе Богдо «общим является мотив образования горы на месте гибели человека, несшего ее. В одних сюжетах эта смерть преподносится как наказание за нарушение обета, совершение греха, в других – как самопожертвование героя (Далай-лама), в-третьих – как несчастный случай» [Калмыки, 2010: 316].

В устной традиции калмыков сохранились различные версии предания о реке Маныч (Манц хол), известной своими солеными водами. В фольклорных текстах объясняется, что происхождение соленой воды связано с тем, что слезы матери или слезы богатыря наполнили этот водоем.

Маныч (Западный Маныч) – река в Калмыкии, Ставропольском крае и Ростовской области, левый приток Дона. Длина – 420 км, условная площадь водосборного бассейна – 35,4 тыс. км², из них 2,1 тыс. км² занято озерами, в основном солончатыми и солеными.

Так, в предании о реке Маныч повествуется о том, как во время войны погибло все войско, и одна из матерей решила найти тело своего единственного сына. Она обратилась к астрологу (зурхачи), который по расположению звезд сообщил ей, что *«сын этой женщины погиб на другом конце земли. И добраться туда можно только так: нужно было выкопать глубокую яму. Такую глубокую, чтобы сквозную дыру в земле проделать и выйти на другой конец земли»* [Семь звезд..., 2007: 208].

Женщина собрала всех матерей, которые потеряли своих сыновей, и вместе они начали копать. Прошло много лет, но и малейшего просвета не было видно. В конечном итоге женщины вновь обратились к астрологу, и он сказал им: *«Еще восемь раз по столько прокопаете, тогда и будет половина»*.

Матери сильно постарели и осознали, что не смогут достичь края земли. Когда они бросили лопаты и начали плакать от горя, то их *«слезы разлились морем и скрыли этих женщин с головой. А вода все прибывала и прибывала. Так до краев этот котлован и заполнился. Говорят, что женщины эти под водой до сих пор плачут и копают, и копают землю. Поэтому летом вода в Маныче убывает, а весной прибывает. Когда вода убывает, то тихо становится вокруг, а потом вдруг долгий стон доносится со дна Маныча. И от этого стоны все животные и птицы покидают Маныч, но когда он прекращается, то снова слетаются к воде. А вода в Маныче горько-соленая. Это от слез матерей»* [Там же: 209; Мифы..., 2017: 232–235].

В несказочной прозе калмыков нашли отражение события, происходившие в давние времена первотворения, объясняющие устройство окружающего мира, причины возникновения всемирного потопа, а также ландшафтные особенности региона. В них подчеркивается связь народа с природой и его понимание окружающей действительности. Так, в предании «Маныч – слезы богатыря» герой Манц-батыр говорит сыну: *«Знай, что у человека один корень, у земли два, а у неба три. Гора, к*

которой я прирос, – большой корень земли. Если ее сдвинуть, то весь мир может погибнуть. Будет всемирный потоп» [Семь звезд..., 2007: 212–213].

Повествование завершается мотивом самопожертвования героев ради спасения людей: «Так и застыли навсегда отец и сын на вершине самой высокой горы, охраняя покой людей.

Восточный поток, образовав реки Терек и Куму, побежал к Каспийскому морю, а второй поток, превратившись в реку Кубань, двинулся в сторону Азовского моря. А в Калмыкии осталась одна соленая река Маныч, Манц-гол» [Там же: 214].

В калмыцком языке имеются гидронимы, которые отражают внешние характеристики и формы объектов, а также содержат названия населенных пунктов и устные повествования, связанные с данными гидронимами. Приведем пример: «Өвдг гидг үгин тогтац хойр зүсн кевэр цээлһж [болна]. Түрүн цээлһвр: селэнэ өөр Шорв һолын урсхл өвдгин бээдлтэ бээсн учрар иим нер өгсгн. Хойрдгч хэлэцэр болхла, мана селэнэ алднд тер цагт Шорв һол өвдгцэ гүн болсар Өвдг гиж нерэдсгн» [Мифы..., 2017: 234]. В переводе: «О происхождении названия [села] Эвдык бытуют два объяснения. Первое толкуется так: русло реки Сарпа, протекавшей рядом с селом, своими очертаниями напоминало колено. Поэтому село получило такое название. Согласно второму толкованию в те времена в реке Сарпа, протекавшей рядом с нашим селом, вода была по колено. Поэтому село так и назвали» [Там же: 235].

Сюжеты и система образов в топонимических преданиях разнообразны, однако в фольклоре многих народов можно встретить повторяющиеся типы сюжетных линий. Традиционно используются образы девушки, юноши, матери, мальчика-сироты, воина и богатыря. К примеру, река в преданиях часто названа именем девушки. В фольклорном сборнике «Семь звезд» опубликован текст о женщине-воительнице по имени Кюме, которая нашла брод через реку и вывела воинов из окружения. С тех пор река носит имя женщины – Кума [Семь звезд..., 2007: 214].

В пространственной картине мира калмыков существуют сакральные локусы, населенные духами-хозяевами и божествами, которые связаны с землей и водой. Согласно одной из версий предания, однажды богини Зеленая Тара и Белая Тара отправились в путешествие в Тибет. По пути они решили сойти на землю, чтобы немного отдохнуть. Вдруг раздался гром, и сверкнула молния, после чего на том месте, где они побывали, забили родники с кристально чистой водой и вокруг выросли деревья. Люди пригласили гелюггов (буддийских священников), которые провели обряд «Ова тэклһн». С тех пор эту местность стали называть Овата. «Земля Оваты плодородна, богата родниками с хорошей пресной водой. Родник «Цаһан болн Ноһан Дэрк» (Белой и Зеленой Тары) тихо струится в балке Уласта, что означает «тополиная», названной так по деревьям, выросшим после сошествия богинь» [Там же: 215].

В устной традиции калмыков сохранились мифологические представления о духе-хозяине вод (Усн хаһн эзн). В топонимических нарративах можно встретить упоминания о нем, к примеру, текст «Легенда о Лагани». Сюжет наполнен сказочными мотивами, такими как: мотив чудесного превращения героя, мотив чудесного бегства, мотив трудных задач, мотив посещения героем иного мира (подводного царства) и др. [Там же: 239–254].

В топонимическом тексте «Предание об Улан Холе» события происходят у речки, которая в то время была незнакома, а сейчас находится на территории Лаганского района Республики Калмыкия. Когда значительная часть одного из улусов находилась в местности, известной как Мочаги, несколько дней подряд дул ветер с востока и юго-востока и все мочаги – ильмени, озера, русла старых рек, болота, котловины, заросли камыша и бурьяна, а также мелкие овраги заполнялись нагонными водами Каспийского моря. Это создавало условия для размножения кровососущих насекомых. Когда переставали дуть ветры, наступала жара, и повышенная влажность воздуха приводила к распространению болезней, таких как малярия и ревматизм. На общем сходе люди решили искать более возвышенное место для жизни. Одним из тех, кто отправился на поиски новых земель, был высокий и крепкий человек с ясным умом, который, сидя на лошади, едва доставал ногами до земли. Когда они подъехали к незнакомой речке, юноша решил измерить её глубину. Переправившись на другой берег, он радостно закричал: «Глубина доходит только до моего улан хол!»¹ Через некоторое время жители улуса перебрались в эти места, а эту речку и прилегающую к ней местность стали называть Улан Хол [Там же: 231–233].

Сюжеты о колодцах составляют значительную группу в топонимических преданиях калмыков. В бескрайних степях воду добывали из вырытых колодцев, названия им давали в честь того, кто копал колодец или кому он принадлежал: Балдра худг (колодец Балдыра), Адьяна худг (колодец Адьяна), Харан худг (колодец Хары), Лижин худг (колодец Лиджи) [Хабунова, Гедеева, Убушиева, 2018: 252].

При этом в каждом поселении «обязательно был человек, который умел находить места, где следует рыть колодцы. Обычно искателями воды были самые старые и мудрые люди. Пользовались

¹ Улан хол – букв. красное горло.

они особым уважением в народе. Многие считали их волшебниками, потому что они часто бродили по степи, присматриваясь к травам, приносили в хотон охапки душистых степных цветов. И никому не открывали своих секретов» [Семь звезд..., 2007: 226].

В нарративе «Колодец Нарана» представлен образ мальчика-сироты, которого воспитывает дедушка Церен. Он был человеком, который знал *«не только, где можно найти подземные тайные воды, но и многое другое»* [Там же]. После смерти старика Церена жители хотона были вынуждены покинуть свои земли. Долго они шли по бескрайним степям под палящим солнцем в надежде найти пресную воду. Начались болезни, и люди впали в отчаяние.

Однажды рано утром сирота Наран решил отправиться на старом верблюде в поисках воды. Спустя несколько дней его нашли мертвым: *«Нарана нашли в вырытой им яме. Видно, он прилег на дно, чтобы попробовать вкус воды только что открытого им ключа, а песчаные края колодца обрушились, похоронив юного искателя счастья. Но ключик все же пробился на волю. Его вкусная, свежая вода спасла хотон от гибели. Колодец расчистили, огородили. Так в степи появился Нарын-Худук – Колодец Нарана. А позднее и хотон, расположившийся у колодца, стал называться так же»* [Там же: 228].

Топонимические предания о колодцах встречаются наиболее часто в экспедиционном материале и представляют собой географические ориентиры, в которых отражены история и традиции этноса. К примеру: «Зурһан худгин тускар» («О шести колодцах») [Хальмг амн зокъял..., 2024: 94], «Нохан худг» («Колодец Нохи»), «Көкән худг» («Колодец Кёки») [Там же: 102–103].

Также следует отметить, что в наименованиях калмыцких географических объектов содержатся числительные с конкретным значением: три, пять, шесть, семь и т. д. Чаще всего числительные в калмыцких топонимах обозначают количество колодцев, которые были единственными источниками питьевой воды в засушливых степях, и в прошлом их было много. Когда калмыки перешли на оседлый образ жизни, многие степные колодцы перестали использоваться, их названия были забыты. Однако в некоторых случаях они перешли на наименования местностей и населенных пунктов [Гедеева, 2017: 46].

Важно подчеркнуть, что калмыцкие топонимические предания бытуют и в настоящее время. Исследователи, неоднократно участвовавшие в фольклорных экспедициях, отмечают: «Возвращение к старым названиям местностей, видимо, способствовало реанимации топонимических легенд и преданий. В каждом населенном пункте находились люди, пытавшиеся объяснить происхождение топонимов» [Коваева и др., 2016: 58].

Заключение

Таким образом, топонимические предания объясняют происхождение различных природно-географических объектов и населенных пунктов, а также играют важную роль в отражении культуры, истории и мировоззрения народа, который их создал. Исследование топонимических нарративов, топонимов в целом «дает материал не только по истории языка, но и позволяет установить физико-природные условия, в которых жил народ, особенности его материальной и духовной культуры, тип хозяйственной деятельности. Названия отражают особенности рельефа и почвенный покров местности, водоемы и их части, названия родов, кочевавших по данной территории, имена людей, имевших отношение к географическому объекту, растительный и животный мир» [Хабунова, Гедеева, Убушиева, 2018: 246].

Исследуемый материал представляет собой ценный источник для изучения исторического прошлого, миграционных путей и освоения этнических территорий. Топонимические предания подчеркивают уникальные аспекты жизни и обычаев народа, помогают восстановить представление об их взаимодействии с окружающим миром. Их изучение позволяет глубже понять, как народ воспринимает свою среду обитания и развитие его традиций на протяжении многих веков.

Источники и материалы

Мифы, легенды и предания калмыков, 2017. Отв. ред. А.А. Бурькин, Е.Н. Кузьмина, В.В. Куканова, Г.Ц. Пюрбеев. М.: Наука – Восточная литература, 367 с.

Семь звезд: калмыцкие легенды и предания, 2004. Сост. Д.Э. Басаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. 415 с.

Хальмг амн зокъял. Кеерин хураңһу материал. Калмыцкий фольклор. Коллекция экспедиционных материалов, 2024. Сост., вступ. ст. Е.Э. Хабунова. Элиста: Изд-во Калм. университета, 480 с. (на рус. и калм. яз.)

Список литературы

- Басаев, Д.Э., 1999. О калмыцких топонимических преданиях, *Бюллетень Общества востоковедов. Вып. 2. Отечественное востоковедение на пороге XXI века: мат-лы Всероссийского организационно-научного съезда*, гл. ред. Р.Б. Рыбаков. М.: Ин-т востоковедения РАН, с. 69–74.
- Басаев, Д.Э., 2007. Устная несказочная проза калмыков, *Семь звезд: калмыцкие легенды и предания*, сост. Д.Э. Басаев. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, с. 5–28.
- Гедеева, Д.Б., 2017. Названия колодцев в калмыцкой топонимии, *Культурные константы монголоязычных народов, Международный круглый стол (2017; Элиста). Международный круглый стол «Культурные константы монголоязычных народов», 24 апреля 2017 г. [Текст]: материалы*, отв. ред. В.Н. Бадмаев. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, с. 52–54.
- Калмыки*, 2010. Отв. ред. Э.П. Бакаева, Н.Л. Жуковская. М.: Наука, 567 с.
- Каскабасов, С.А., 1990. *Казахская несказочная проза*. Алма-Ата: Наука КазССР, 238 с.
- Кичикова, Н.А., 2011. *Топонимия Республики Калмыкия как составная часть ономастического пространства Российской Федерации*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 25 с.
- Коваева, Б.М., 2013. Мотив восхваления природы в калмыцкой народной песне, *Бааза-багши и его духовное наследие*. Элиста: *Джангар*, с. 152–157.
- Коваева, Б.М., Корнякова, С.Н., Хабунова, Е.Э., Эльбикова, Б.В., 2016. Полевые исследования на территории Республики Калмыкия: особенности экспедиционного материала по калмыцкому фольклору (2012–2015 гг.), *Вестник Калмыцкого университета*, № 3 (31), с. 52–62.
- Криничная, Н.А., 1987. *Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры*. Л.: Наука, 225 с.
- Кругляшова, В.П., 1974. *Жанры несказочной прозы уральского горнозаводского фольклора*. Свердловск: [Уральск. ун-т], 168 с.
- Манджиева, Э.Б., Кичикова, Н.А., 2017. Гидронимы калмыцкого происхождения на территории юга России, *Известия Волгоградского государственного педагогического университета, Филологические науки*, № 3, с. 86–89.
- Померанцева, Э.В., 1975. Соотношение эстетической и информативной функции в разных жанрах устной прозы, *Проблемы фольклора*, отв. ред. Н.И. Кравцов. М.: Наука, с. 75–81.
- Сарангов, В.Т., 2012. *Фольклор калмыцкого народа: учебное пособие*. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 136 с.
- Словарь топонимов Республики Калмыкия = Хальмг Таңһчин һазр-усна нердин толь-бичг*, 2019. Сост. Д.Б. Гедеева, Б.Э. Убушиева, Л.А. Лиджиева, Б.В. Баринаова. Элиста: КалМНЦ РАН, 344 с. (на рус. и калм. яз.)
- Соколова, В.К., 1975. Соотношение национальных и общих элементов в преданиях, *Проблемы фольклора*. М.: Наука, с. 221–227.
- Хабунова, Е.Э., Гедеева, Д.Б., Убушиева, Б.Э., 2018. Топонимы в фольклорном контексте калмыков, *Новые исследования Тувы*, № 3, с. 242–257.
- Эрдниев, У.Э., 1970. *Калмыки (конец XIX – начало XX в.). Историко-этнографические очерки*. Элиста: Калм. кн. изд-во, 307 с.

References

- Basaev, D.E., 1999, On Kalmyk toponymic traditions, *Bulletin of the Society of Orientalists, iss. 2, Russian oriental studies on the threshold of the 21st century: materials of the All-Russian organizational and scientific congress*, ed. R.B. Rybakov, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, pp. 69–74. (In Russ.)
- Basaev, D.E., 2007, Oral non-narrative prose of the Kalmyks, *Seven stars: Kalmyk legends and traditions*, comp. D.E. Basaev, Kalmyk Publ., Elista, pp. 5–28. (In Russ.)
- Gedeeva, D.B., 2017, Names of wells in Kalmyk toponymy, *Cultural constants of Mongolian-speaking peoples: Materials of the International round table (2017; Elista). International round table “Cultural constants of the Mongolian-speaking peoples”, April 24, 2017 [Text]: proceedings*, ed. V.N. Badmaev, Kalmyk University Publ., Elista, pp. 52–54. (In Russ.)
- Kalmyks*, 2010. Eds. E.P. Bakaeva, N.L. Zhukovskaya. Nauka, Moscow, 568 p. (In Russ.)
- Kaskabasov, S.A., 1990, *Kazakh non-fairy prose*. Nauka, Kazakh Soviet Socialist Republic, Almaty, 238 p. (In Russ.)
- Kichikova, N.A., 2011, *Toponymy of the Republic of Kalmykia as a component of the onomastic space of the Russian Federation*. Dissertation abstract ... Candidate of Philological Sciences. Volgograd, 25 p. (In Russ.)
- Kovaeva, B.M., 2013, The motif of nature praise in Kalmyk folk song, *Round table “Baaza-Bagshi and his Spiritual Heritage”*, ed. E.E. Khabunova, Dzhangar, Elista, pp. 152–157. (In Russ.)

Kovaeva, B.M., Koryakova, S.N., Khabunova, E.E., Elbikova, B.V., 2016, Field research in the Republic of Kalmykia: features of expedition material on Kalmyk folklore (2012–2015), *Bulletin of Kalmyk University*, no. 3 (31), pp. 52–62. (In Russ.)

Krinitshnaya, N.A., 1987, *Russian folk historical prose: Questions of genesis and structure*. Nauka, Leningrad, 225 p. (In Russ.)

Kruglyashova, V.P., 1974, *Genres of non-fairy prose in Ural Mountain industry folklore*. [Ural State University], Sverdlovsk, 168 p. (In Russ.)

Mandzhieva, E.B., Kichikova, N.A., 2017, Hydronyms of Kalmyk origin in the territory of the South of Russia, *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. Philological Sciences*, no. 3, pp. 86–89. (In Russ.)

Pomerantseva, E.V., 1975, The relationship between aesthetic and informative functions in different genres of oral prose, *Problems of folklore*, ed. N.I. Kravtsov, Nauka, Moscow, pp. 75–81. (In Russ.)

Sarangov, V.T., 2012, *Folklore of the Kalmyk people: A study guide*. Kalmyk University Publ., Elista, 136 p. (In Russ.)

Dictionary of toponyms of the Republic of Kalmykia, 2019. Comp. D.B. Gedeeva, B.E. Ubushieva, L.A. Lidzhieva, B.V. Barinova. Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista, 344 p. (In Russ and Kalm.)

Sokolova, V.K., 1975, *The relationship between national and general elements in legends*, ed. N.I. Kravtsov. Nauka, Moscow, pp. 221–227. (In Russ.)

Khabunova, E.E., Gedeeva, D.B., Ubushieva, B.E., 2018, Toponyms in the Kalmyk folklore, *The new research of Tuva*, no. 3, pp. 242–257. (In Russ.)

Erdniev, U.E., 1970, *Kalmyks (late 19th – early 20th century). Historical and ethnographic essays*. Kalmyk Publ., Elista, 307 p. (In Russ.)

Заявление о раскрытии информации

Для создания данной рукописи не использовались инструменты искусственного интеллекта.

Disclosure statement

No AI tool was used to generate the content of this manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

Информация об авторах

Баир Макаровна Коваева, кандидат филологических наук, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Российская Федерация; <https://orcid.org/0009-0000-3225-4003>; e-mail: bkovaeva@mail.ru

Наталья Алексеевна Бадмаева, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Российская Федерация; <https://orcid.org/0009-0006-2851-9965>; e-mail: badmaeva.nata02@gmail.com

Information about the authors

Bair M. Kovaeva, Cand. Sc. (Philology), Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation; <https://orcid.org/0009-0000-3225-4003>; e-mail: bkovaeva@mail.ru

Natalia A. Badmaeva, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation; <https://orcid.org/0009-0006-2851-9965>; e-mail: badmaeva.nata02@gmail.com

Рукопись поступила в редакцию / Received 12.02.2026

Одобрена после рецензирования / Approved 05.03.2026

Принята к публикации / Accepted 12.03.2026